

Савелий Сорин – портретист

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава – Москва)

Савелий Сорин – один из самых выдающихся портретистов XX века. Это утверждение покажется совершенно очевидным и естественным для тех, кто знаком с русской живописью XX века в полном объеме, то есть включая зарубежную часть наследия художников, эмигрировавших после революции (или оставшихся за границей). Для многих, так сказать рядовых любителей живописи, в особенности молодого поколения, эта фамилия может оказаться и вовсе незнакомой.

Во всяком случае, заинтересовавшись творчеством мастера, которое получало столь высокую оценку как при жизни, так и в наши дни, жители России, например, не смогут обнаружить его работ ни в постоянной экспозиции Третьяковской галереи (которая располагает 20 прекрасными соринскими портретами, подаренными его вдовой в начале 70-х годов, – после выставки 1974 года они, по всей видимости, так и пролежали в запасниках), ни даже прочитать о нем в выходящих в последнее время словарях и энциклопедиях по русской живописи¹, хотя наиболее известные художники-эмигранты постепенно начинают входить в сферу общественного сознания своих соотечественников, откуда они с такой последовательностью и упорством искоренялись в течение всех советских лет. Сорин был достаточно известен еще до революции, но после эмиграции² (и именно из-за нее) оказался исключенным из советского культурного поля, несмотря на идеологическую нейтральность творческого наследия. Таким образом, творческий и жизненный путь этого замечательного мастера известен лишь в общих

Слева направо: Москвин, Станиславский, Шаляпин, Качалов, Сорин на фоне соринского портрета Анны Павловой

чертах. Посвященный ему очерк в основном источнике сведений о художниках-эмигрантах – биографическом словаре О.Лейкинда, К.Махрова, Д.Северюхина "Художники русского зарубежья" (СПб., 1999) – достаточно краток. Приведенная там библиография охватывает статьи в дореволюционной периодике и публикации в эмигрантских и западных художественных журналах, в основном 20 – 30-х годов. В кругу первой эмиграции Сорин был, разумеется, очень заметной величиной, тем более что нашел признание и во Франции, и в США. Его карьере на Западе, в тех странах, где он жил и работал (Франция и США), можно считать вполне успешной – его работы покупали самые престижные музеи, там у него были свои ценители и состоятельные заказчики. В публикуемой переписке упоминаются супруги Кон, которые много сделали для Сорина. Американский миллионер Кон ввел Сорина в высшие круги американского общества и неоднократно покупал его работы. В 1929 году берлинским издательством "Ганимед" был издан роскошный альбом "Портреты". Однако после смерти художника как-то не нашлось страны, которая бы признала его своим и сочла необходимым ввести его в иерархию своих великих художников. Обычно его не включают в так называемую "парижскую школу" – это несколько искусственное объединение "под одной крышей" весьма разнообразных по характеру творчества живописцев (в большинстве все же отнюдь не академического толка), работавших в Париже примерно с 10-х годов XX века (верхняя граница определяется по-разному). Не фигурирует он и в списке выдающихся американских художников. В России он должен был бы войти в список выдающихся (если не великих) хотя бы на основании своих дореволюционных работ, что, несомненно, и произошло бы, если бы он умер, скажем, в 1918 году. Сорин, однако, не умер, а эмигрировал, каковым фактом определилось однозначное отношение к нему советского официоза. Даже публикации последнего времени в таком солидном издании, как "Наше наследие" (№ 1, 1989 и № 46, 1998), как видим, не слишком изменили это ненормальное положение – Сорин ценится специалистами и теми, кто по-настоящему интересуется русской культурой XX века, но широкой популярностью его творчество не достигло, хотя предпосылки для этого совершенно очевидны: портреты его представляют известных деятелей культуры (А.Павлова, М.Фокин, А.Бенуа, Ф.Шаляпин, И.Баронова и др.) или светских красавиц (иногда это жены известных людей, сами оставившие след в истории искусства, как, например, А.А.Евреинова, иногда это просто заказные портреты) по исполнению эффектно и зачастую даже

слишком элегантно. Оттенок салонности и явного академизма в манере исполнения большинства известных портретов вызывал в свое время восхищение одних критиков и недовольство, а порой и насмешки, других. В наше время, когда как реализмы всяческого толка, так и авангардные и поставангардные направления, отдалены временем, ничто не мешает нам видеть несомненные и непреходящие достоинства соринской манеры. Что же касается так называемой широкой и, следовательно, менее искушенной, по сравнению с профессиональными критиками, публики, то эти особенности соринских портретов, возможно, сделали бы их особенно привлекательными. Значительность моделей сама по себе должна была бы привлечь дополнительный интерес к этим портретам, даже если бы они были исполнены с меньшим мастерством.

Сейчас стала очевидной необходимость популяризации творчества Сорина в широких масштабах, необходимость изучения его творческого наследия на современном критическом уровне и, что очень важно, воссоздание личностного портрета мастера в его психологическом и бытовом измерении. Приближение к выполнению последней из перечисленных задач возможно при условии выявления и публикации сохранившихся мемуарных свидетельств, соответствующих документов эпохи (дневники, письма, зафиксированные кем-либо рассказы современников) и, разумеется, личных документов художника. Знаменательна в этом смысле чрезвычайно интересная, быть может, до сих пор единственная такого рода публикация уже упоминавшегося очерка Дж.Боулта, написанного по материалам альбома Веры Судейкиной (позже Стравинской) с предисловием М.Пархомовского и уникальными репродукциями графического автопортрета С.Сорина и двух женских портретов (М.Чолоковичи и Э.Даддани) 20-х годов. Этот "переходный период" между жизнью в России и западной эмиграцией, несомненно, явился творческой и жизненной

Савелий Сорин
Портрет художника
с Монмартра

вехой для Сорина. Публикуемые на этих страницах письма С.Судейкину позволяют узнать кое-что не только о бытовой стороне эмигрантской жизни Сорина, но и о его "творческой кухне", о его круге общения в Париже и США. По своей драматургии эти три письма, написанные в 1925, 1933–34 <?> и 1938 годах, напоминают нам модные в свое время пьесы, показывавшие героя с интервалом в несколько лет то в какой-то драматический момент жизни, то, напротив, в один из самых обыкновенных дней. Первое письмо относится к раннему периоду эмиграции, когда у самого Сорина еще только устанавливаются отношения с семьей нью-йоркских меценатов супругов Кон, – и мы видим, что эти отношения были отнюдь не безоблачны. Среди тех, кого он встречает в Париже, Сорин упоминает не только эмигрантов – впрочем, тогда еще эта граница не была столь явной и однозначной, как это стало несколько позже, особенно для художников. П.Кончаловский жил на Западе относительно недолго – он приехал в Венецию в связи с бьеннале 1924 г., где было выставлено более 600 работ различных художников из советской России. Далее он проследовал в Париж для участия в Международной выставке декоративного искусства 1925 г., которая не только стала выдающимся событием художественной и общественной жизни тех лет, но и дала название стилю *ар деко*. Кончаловский вернулся в СССР. Так же и Петров-Водкин, прожив в Париже какое-то время, вернулся обратно. В связи с Водкинским хотелось бы обратить внимание на упоминание о той финансовой помощи, которую оказывал Сорин художнику, не относившемуся к его ближайшим друзьям, – это характерная черта поведения Сорина, человека доброго и благожелательного.

Сорин до конца жизни чувствовал связь не только с русской культурой, но и со своими соотечественниками, где бы они ни находились. Забавно в связи с этим его замечание о дягилевских балетах: "пишут у него только иностранцы", сообщает он, не замечая парадоксальности и даже некоторой комичности этой формулировки, – сохраняя Россию в виде мысленной точки отсчета, он не считает самого Дягилева иностранцем по отношению к Франции; напротив, те французские художники, которых привлекал для работы Дягилев (Пикассо, Матисс), кажутся ему иностранцами.

Жак (Яков) Липшиц и Марк Шагал, с которыми, по собственному признанию, дружил в 20-е года Сорин, были тогда уже бывальными монпарнасцами, достигнув известности, стремительно превращавшейся в легендарность. Оба они теперь считаются гордостью "парижской школы" и пользуются вполне заслуженной мировой славой. Упоминающихся в следующем абзаце А.Яковлева,

В.Шухаева и Б.Григорьева связывали с Сориным не только приятельские отношения – они наиболее близки ему по творческим установкам и художественному вкусу. Этих художников часто называют неоакадемистами (причисляя к ним, с известными оговорками, также Ю.Анненкова и С.Судейкина), имея в виду не оформленную в организационном смысле группу, а именно общность манеры. Все они, впрочем, были хорошо знакомы еще с петербургских времен, будучи завсегдатаями знаменитых театров-кабаре "Бродячая собака" и "Привал комедиантов", – как видим, дружба эта сохранялась и в эмиграции. Иронические (чтобы не сказать – саркастические) строки, посвященные

Б.Григорьеву (письмо от 10 мая 1938 г. настоящей публикации), действительно склонному к мегаломании и не стеснявшемуся в расточении похвал самому себе, не помешали сохранению дружеских отношений и самой действенной помощи, которую Сорин оказал в 1938 году тяжело больному приятелю. В письме от 30 июня 1936 года Григорьев пишет Судейкину:

"...Я всегда тебя любил, Сережа, а теперь ты стал

мне дорог, что-то и с тобой произошло, но все же мы с тобой остались теми же гениями, какими родились. Скажи Сорину, что и он вошел в мою душу, он трогательный и добрый, если б не стал таким выраженным русофобом"³.

И позже, в письме от 27 ноября 1938 г.:

"...Тебя и Gin <жена Судейкина> обнимаю и целую, благодарю в такую минуту, целую Сорина за сотнягу и желаю ему мил-

С.Сорин. Княжна Элисо Дадияни
Третьяковская галерея

*Одно из стихотворений,
посвященных этому портрету*

**Портрет княжны грузинской Дадияни
Нездешний лик часовенных Мадонн.
Линейных дум прозрачный сон.
Тропа небесная божественных скитаний...
Чуть движный шелест бархатных ресниц:
Скользкий луч молитвенных сияний...
Земной поэт упал безмолвный ниц,
Пленный тайной глаз невинных
Дадияни...**

А.Файнберг

лион. Иной раз (даже не верится) вдруг среди мучений, пролежней и полного упадка духа хочется радостно крикнуть, начать молиться, писать кистью – но далеко еще мое выздоровление...¹⁴.

Это были последние письма Григорьева – он скончался 1 февраля 1939 г.

В отличие от остальных неоакадемистов, активно работавших для театра и делавших время от времени иллюстрации к книгам, Сорин занимался почти исключительно портретами. Он знал, что это наиболее сильная сторона его таланта, и к другим жанрам обращался обычно только как к вспомогательным (пейзаж присутствует на некоторых его портретах в виде фона). Тем интереснее брошенное вскользь сообщение Сорина о том, что он работает над пейзажами. Упомянувшиеся в письме Олечка Глебова-Судейкина, как и Вера Судейкина (урожденная Боссе, в последнем браке Стравинская) – дамы весьма известные любому, кто хотя бы поверхностно знаком с Серебряным веком, и не нуждаются в представлении. Обе они в свое время были женами адресата письма.

Если первые два письма по наполняющей их информации носят характер вполне бытовой, то в третьем письме звучат воистину драматические ноты – мы можем узнать из него дополнительные детали о болезни А.Яковлева, вскоре сведшей его в могилу (он скончался в Париже 12 мая, то есть через два дня после написания Соринным письма).

О дружбе Сорина и Судейкина рассказывалось в упоминавшемся уже очерке Дж.Боулта. Как видим, она носила не только творческий, но также и вполне бытовой характер. Судейкину, впрочем, было суждено скончаться в августе 1946 года, в Нью-Йорке. Благодаря тому, что его архив был передан в РГАЛИ, оказалось возможным обнаружить эти три характерных письма; вполне вероятно, что писем было больше, но в данной части архива сохранились только эти.

Ни в советском, ни в эмигрантском искусствоведении творчество *неоакадемистов* не анализировалось как определенное направление портретного жанра, отличающееся своей стилистикой и осознанно противостоящее авангардным течениям. Русский авангард был замечен западным искусствоведением в 60-х годах, в конце 80-х к его изучению активно присоединилось постсоветское искусствоведение, и в последнее десятилетие изучение русского авангарда переживает весьма бурный период, результатом чего являются многочисленные публикации в художественных журналах, международные и локально-тематические конференции, изда-

ния монографий и защита диссертаций по творчеству художников, еще вчера казавшихся реликтами далекого прошлого (П.Мансуров, А.Грищенко и др.). Остальные направления и течения не были названы даже по имени, и поэтому при необходимости стилистической классификации художники-эмигранты либо заключаются в рамки групп и обществ, заявивших о себе еще до революции ("мирискусники", "голуборозовцы"), либо включаются в классификацию страны проживания (наиболее характерным примером может служить "парижская школа", лидерами которой были Шагал, Сутин и др.). Поэтому существование группы *неоакадемистов* не зафиксировалось в истории искусства. Изучение творчества упомянутых в данной статье художников велось фрагментарно и сугубо индивидуально. Творчество Судейкина, как правило, вписывалось в рамки "Мира искусства", его деятельность в эмиграции известна отрывочно. Яковлев и Григорьев, гремевшие в 20 – 30-е годы во Франции, впоследствии были там забыты. На родине Яковлев чаще всего вспоминался в паре со своим другом-"близнецом" Шухаевым – нельзя сказать, что их творчество забыто⁵, но, несомненно, такого класса художники заслуживают гораздо большего внимания. Явный ренессанс наступил в изучении творчества Б.Григорьева и Ю.Анненкова, о чем свидетельствуют появившиеся за последние несколько лет в России публикации, альбомы и диссертации. Что же касается Сорина, то его портреты регулярно репродуцируются в российских художественных журналах, иногда сопровождаемые весьма лестными комментариями, как бы естественно приличествующими творчеству знаменитого художника, но – увы – из посвященных ему публикаций лишь уже упоминавшаяся статья в ЕВКРЗ № 2 вводит в научный оборот существенно новые биографические факты⁶. Думается, что такое отношение к этому художнику является историческим недоразумением.

Три письма Сорина Судейкину
(РГАЛИ, Ф.947 Оп.1 Ед.хр. 247. 5 листов)

1 [на почтовой бумаге с напечатанным адресом]

116, boulevard Pereire (XVIIe)
Galvani 61.77

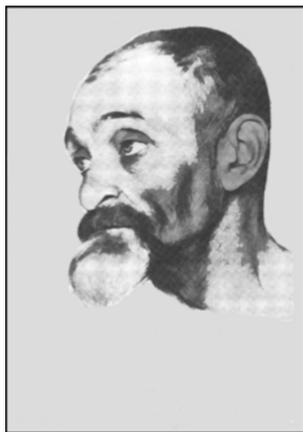
19 сентября 1925 г.

Дорогой Сережа!

Получил твое письмо и посылаю тебе сие одновременно с парходом, на котором Madame Kohn возвращается в New York. Хочу по порядку ответить тебе на твои вопросы. Маслом работаю, но совершенно другие вещи, не то, что ты видел. Писал пейзажи на Корсике, но, конечно же, баловство, а дома немного серьезного <нрзб>. В Берлине сделал три вещи – неплохих. Сегодня как раз показывал Madame Kohn работы. Я приехал специально с Корсики, чтобы ее повидать. Портрет Никитиной имел большой успех на выставке. Люксембургский музей хотел его купить, но мне пришлось отказать, потому что М-г Kohn сказал мне, что эту вещь он покупает (будучи в Париже), а когда выставка кончилась Madame Kohn мне сообщила, что муж поспешил <с> решением, и она думает, что это будет негде повесить.

М-г Kohn имел в виду начать коллекцию модерн и сказал, что рад с меня начать. Я же был вдвойне рад, что мою купили и что следовательно смогу и товарищей рекомендовать, но теперь ерунда вышла. Я написал министру Beaux-arts письмо, и они мне ответили, что, к сожалению, они истратили уже деньги, предназначенные для покупки, так что ни почета, ни денег.

Имею сейчас приглашение в Лондон, Вену и Цюрих, но ехать никуда не хочется. Хочу работать дома. У меня плохое настроение из-за состояния здоровья мамы, ибо она долго не выживет. Это буржуазные предрассудки, но я очень люблю мою мать. С русскими ху-

Савелий Сорин
Портрет Л.Шестова

дожниками дружу с Лившицем⁷ очень, который тебе кланяется, с Шагалом⁸ и Кончаловским⁹. Немного с Водкиным¹⁰ и Коровиным¹¹, который чуть болеет [?]. Очень все нуждаются, особенно Водкин, который на старости лет и в такое время плодит без конца детей. Я на них истратил 5500 франков, а теперь у меня пошатнулось, ибо мать стоит 500 дол[ларов] в месяц, так что все мои ресурсы кончаются.

О моей поездке в Америку ничего определенного сказать не могу. С одной стороны, это единственная страна, где что-нибудь заработать можно, а с другой стороны, мое положение хуже твоего, ибо мне приходится иметь дело с людьми, которые позируют, и это такой извод, что при одном воспоминании меня в дрожь бросает. Так что все-таки пожить мне лучше в Париже. Мне тут даже людей не нужно!

Яковлев¹² приехал из Африки и сейчас хлопочет о legion d'honneur <орден Почетного легиона> и получит¹³. Шухаев¹⁴ по-прежнему живет, встречаю, но редко. Твой Григорьев¹⁵ по-прежнему непризнанный гений. Он собрал Montparnasse к себе под предлогом, что пишет книгу о русских художниках, а потом те в ужасе вышли, ибо он только их убеждал, что Сезанн в сущности недоразумение рядом с ним и если они к стыду своему этого не понимают, то следующее поколение оценит. Весело! Видел Балиева¹⁶ Татьяну, которая официально премьерша. Забавно! Бедная Зоя!

Ольгу Афанасьевну редко вижу, ибо они все с Верой¹⁷ (сейчас она на даче) возятся, а мне это не по духу, и я ни у нее, ни у Стравинского¹⁸ не в милости. Варвару Андреевну тоже не встречаю, ибо совсем на нее рассердился, потому что она на меня смотрит как на спекулянта и постоянно пристает с просьбами денег. Я ей дал 6.500 фр. а <она> еще 10.000 просит. Попробуй сюда приехать после твоего успеха в Америке, так тебе жить не дадут! Montparnasse страшно изменился, прямо не узнать! Липшиц¹⁹ построил себе прелестный дом в Boulogne. Давидсона я не видел, ибо совсем не бываю в его кругу, а с художниками он редко встречается. Судьбинин²⁰ получил заказ на 82.000 долл<аров> и исполняет его в Париже. Вот повезло! Теперь строит себе дом, так что не ходи! Ларионов совсем за фалды Дягилева²¹ уцепился! Пишут же у него только иностранцы. Балет страшно пал и совсем изменил физиономию, ибо только мужчины танцуют. Выставки в этом году были такие, каких я никогда в жизни не видал!! Это было изумительно! Все это подогнали к международной выставке²². Зайди непременно к Madame Kohn сейчас же. Мы с ней о тебе очень тепло и

хорошо говорили, и она тобой довольна. Потом она может уехать в деревню. Узнай по телефону, и она будет рада.

<На стр. 3 приписка вверх ногами:> Наташе милой привет. Целую ее ручку и очень извиняюсь, что не мог навестить. Кланяюсь Рабиновичам, у меня очень хорошие воспоминания о них. Оба очень сердечные! Целую, Савелий.

<На стр. 1 приписка вверх ногами:> Я страшно рад твоим отношениям с Гатти. Помнишь, как я тебе говорил, как с ним надо действовать? Теперь Madame Kohn тоже очень этому рада. Только держись!..

2 <На почтовой бумаге с напечатанным адресом>

Hollywood Knickerbocker Hotel
Hollywood
California

14ое Авг<уста>

Дорогой Сергей,

Твое письмо переслали мне вчера сюда – Дом Hoffmann'a я не могу взять, потому что одному дорого и неудобно – нужно много прислуги, чтобы держать в чистоте. Из Европы у меня неприятные известия – умерла жена моего брата и он один остался с двумя детьми. Я хлопочу об их переезде сюда. Относительно Мясина²³ <?> я ничего не знаю. В N<ew> Y<ork> кто-то мне сказал, что ждут их в последних числах или в середине августа. Лучше всего узнать это можно в конторе Юрока²⁴. Конечно, я был <бы> рад, чтобы ты остановился у меня, но сейчас это невозможно, потому что большой ремонт идет: переделают 2 ванны, отопление и в студии подновят пол, и я вынес мебель в подвал. Так что я жил там, пока было возможно, а теперь, как видишь, пока здесь. Сколько тут пробуду, не знаю. Дам немедленно знать, как только вернусь. Мой адрес лучше не в Hotel, а 1379 Miller Drive, Hollywood, и оттуда мне всегда перешлют. Приезжай непременно ко мне, как только вернусь, до приезда семьи брата. Они пишут, что там нечего есть – просят прислать муку, сахар, масло и т.д., а англичане не позволяют, и все перехватывают с парохода, что идет во Францию.

Ну, до скорого, твой

Савелий

3

4 Pembroke studios
Pembroke gardens
London.W.B.
Tel. Western 4917
10 мая 1938

Дорогой милый Сережа,
Сообщаю тебе очень грустную весть. Умирает Саша Яковлев²⁵. Будучи в Париже, я к нему заходил, он был в отъезде, Бенуа²⁶ мне сказал, что он отлично себя чувствовал, отложил немного денег и работает для себя. Приехал из Голландии – но чувствовал сам какую-то опухоль в животе, и доктор решил немедленно операцию сделать. Когда вскрыли живот, оказалось, что оперировать уже не стоит – страшный рак распространился по внутренностям, который невозможно уже удалить. Такая несправедливость. Мне это сообщила Саломея Андроникова²⁷, которая живет сейчас в Лондоне, она говорит, что на чудо надеяться нельзя, и мы его потеряем. Какая досада в такие годы уйти из жизни! Мне все-таки не верится и думаю, что будет чудо – вот в медицине бывают неожиданные, может быть, врачи ошиблись.

Напиши о себе – главное, береги здоровье – ведь ты все легкомыслен.

Взял здесь studio <квартира из одной комнаты> на два месяца, а дальше не знаю. В New York я сдал все помещение, так что я свободен на все лето. Закончил ли работу для <нрзб>?

Сердечный привет Дис<нрзб>.

Целую и обнимаю крепко, крепко.

Привет Григорьеву, если он еще в N<ew> Y<ork>.

<Сбоку> Твой Савелий.

---

¹ Не будем перечислять их все, для примера назовем лишь прекрасно изданный издательством "Азбука" энциклопедический словарь "Русские художники" (СПб., 2000), в котором отдельные очерки посвящены почти всем художникам, упоминающимся в публикуемых нами письмах, но не самому Сорину.

---

² С 1917 г. жил в Ялте, летом 1919-го вместе с Судейкиными перебрался в Тифлис – см. об этом периоде: *Дж. Боулт*. Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–1919 годах // *ЕВКРЗ*. Т.2. 1993. С.493–506.

³ *Борис Григорьев*. Письма (РГАЛИ. Ф.947. Оп.1. Ед.хр.188). Публ. *Р.Н. Антиповой* // *Наше наследие*. IV (16). 1990. С.59.

⁴ Там же.

⁵ Последняя их парная выставка – к 100-летию со дня рождения – состоялась в Русском музее в 1987 году.

⁶ Автопортрет Сорина из альбома В.А.Судейкиной был также опубликован в: *Никольская Т.* "Фантастический город": Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000., но о самом Сорине там есть только упоминания в цитируемых письмах или воспоминаниях. В "Нашем наследии" (№ 1, 1989) была републикация (*М. Столбина*) статьи: *С.Маковский*. Портреты С.А.Сорина. "Жар-птица". (№ 8. 1922).

⁷ Очевидная описка: имеется в виду Яков Липшиц (*Jacques Lipschitz*) (1891–1973), известный скульптор, который упоминается далее в этом же письме.

⁸ М.Шагал (1887–1985) вторично выехал на Запад летом 1922, в Париже поселился осенью 1923. С Сориним был знаком еще по Петербургу.

⁹ П.Кончаловский (1876–1956) – находился в Париже в 1925 г. в связи со своей персональной выставкой.

¹⁰ К.Петров-Водкин (1878–1939) получил командировку в Париж в связи с Международной выставкой декоративного искусства.

¹¹ К.Коровин (1861–1939) – выехал за границу вместе с семьей в начале 1923 г., поселился в Париже, где и жил до конца жизни.

¹² А.Яковлев (1887–1938) осенью 1917 выехал на Дальний Восток, проехал через Китай, Монголию, Японию и в 1919 осел в Париже.

¹³ В октябре 1924 – августе 1925 А.Яковлев участвовал в экспедиции фирмы "Ситроен" по Африке. Исполнил 300 картин и рисунков на африканские темы, выставленные им в галерее J.Charpentier в 1926 г. Эта выставка пользовалась большим успехом, и Яковлев действительно был награжден орденом Почетного легиона.

¹⁴ В.Шухаев (1887–1973) – ближайший друг и единомышленник А.Яковлева. В 1920 выехал в Финляндию, а в 1921 г. по приглашению Яковлева приехал в Париж. В 1925 г. совместно с Яковлевым расписывал концертный зал в частном доме на ул. Перголез. В феврале 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 был арестован вместе с женой и сослан на 10 лет в Магадан. После освобождения, с 1947 г., жил в Тбилиси.

¹⁵ Б.Григорьев (1886–1939) – ученик Д.Кардовского, так же, как Шухаев и Яковлев. Вместе с Яковлевым и Судейкиным расписал интерьеры "Привала комедиантов". Осенью 1919 с женой и пятилетним сыном нелегально пересек на лодке Финский залив. В Париже поселился в 1921 г.

---

¹⁶ Н.Балиев (1877–1936) – известный эстрадный артист, режиссер, художественный руководитель и директор театра-кабаре "Летучая мышь"; в 1920 эмигрировал вместе с труппой, продолжившей выступления за границей.

¹⁷ О.Глебова-Судейкина (1885–1945) – актриса, художница, культовая фигура беглого Петербурга предреволюционной поры. С 1907 жена С.Судейкина, который в 1915 г. бросил ее окончательно, сойдясь с Верой (урожденная де Боссе, 1888–1982). Сорин тогда принял участие в драме, пытаясь воздействовать на Сергея уговорами (безрезультатно). В 1916 г. Судейкин отправился вместе с Верой в Крым и далее в Париж, заменив в своем паспорте ее фотографией фотографии Ольги, которая формально еще оставалась его женой. Это не помешало дальнейшим приятельским отношениям Судейкина, Веры и Ольги в Париже.

¹⁸ И.Стравинский (1882–1971) – 21 февраля 1921 г. произошла поистине роковая встреча великого композитора с Верой Судейкиной (тогда еще женой С.Судейкина), после которой семейная жизнь Стравинского была поделена надвое – между женой и Верой, официальный брак с которой был заключен в 1939 г., после кончины Е.Стравинской.

¹⁹ Я.Липшиц (Jacques Lipchitz) (1891–1973) – известный скульптор, представитель Ecole de Paris, в Париже с 1909 г. В 1924 г. получил французское гражданство и переехал в Булонь-сюр-Сен <Boulogne-sur-Sein, пригород Парижа>, в дом-мастерскую, построенный по проекту Ле Корбюзье.

²⁰ С.Судьбинин (1867–1944) – скульптор и художник по керамике. С 1904 постоянно жил в Париже.

²¹ М.Ларионов (1881–1964), работавший с С.Дягилевым в 1915–22 гг. в качестве сценографа, в 20-е гг. сделал много карандашных зарисовок как с самого Дягилева, так и с членов его труппы.

²² Имеется в виду Международная выставка декоративного искусства, проходившая в Париже с 5 июня до ноября 1925 г.

²³ Л.Мясин (1895–1979) – известный танцор и хореограф, начинавший свою карьеру в труппе С.Дягилева.

²⁴ Американский антрепренер.

²⁵ А.Яковлев действительно умер 12 мая 1938 г. от рака желудка, во время операции.

²⁶ Имеется в виду Александр Бенуа (1870–1960), с которым Сорин сдружился в Париже.

²⁷ С.Андроникова-Гальперн (1888–1982) – петербургская красавица, подруга Ахматовой, игравшая значительную роль в культурной жизни эмиграции вначале в Париже, а затем в Лондоне. Знакомство с Сориным началось, по всей видимости, в Петербурге; перед окончательной эмиграцией на Запад, в 1919 г., оба жили какое-то время в Тифлисе, а затем могли встречаться как в Париже, так и в Лондоне. Известны портреты Саломеи С.Сориной, Б.Григорьевой, К.Петрова-Водкина, В.Шухаева.